MILHIST
INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

Смоленские войны XV-XVII вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© **www.milhist.info**

© **Курмановский В.С.**

MILHIST
INFO

Курмановский В.С. К исторической географии местности Вержавляне Великие

В статье на базе комплексного анализа ретроспективных данных письменных источников и археологии приводится историко-географический обзор Вержавлян Великих – наиболее платежеспособной податной единицы Смоленской земли, упомянутой в Уставной Грамоте князя Ростислава Мстиславича, реконструируются ее границы и расположение податных центров-погостов, ставится вопрос о преемственности между территориальными структурами Смоленской земли, известными по источникам XV-XVII вв., и податными единицами домонгольского времени.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/09/23/kurmanovsky

Ссылка для печатных изданий:

Курмановский В.С. К исторической географии местности Вержавляне Великие [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. – С. 150-179 <http://www.milhist.info/2015/09/23/kurmanovsky> (23.09.2015)

www.milhist.info

2015

В.С. Курмановский

ВЕРЖАВЛЯНЕ ВЕЛИКИЕ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ МЕСТНОСТИ

Вержавляне Великие — наиболее платежеспособная податная единица Смоленского княжества, упоминаемая в Уставной Грамоте Ростислава Мстиславича 1136 г. Девять погостов Вержавлян Великих давали в княжескую казну 800 гривен дани и 100 гривен «*передмера*»[1]. Центром ее являлся город Вержавск (Ржавеск), местонахождение которого долгое время было предметом дискуссий в историографии[2]. Смоленским историком И. И. Орловским впервые была высказана гипотеза о локализации Вержавска у д. Городище на озере Ржавец (ныне оз. Городище) в бассейне р. Гобзы в Поречском уезде Смоленской губ. (сейчас — Демидовский р-н Смоленской обл.). Основанием этой гипотезы выступило упоминание городища Вержавска в документах начала XVII в., связанных с нападениями литовцев во главе с велижским воеводой Александром и его братом Шимоном Госевскими на приграничные смоленские Щуцкую и Порецкую волости. Предположение И. И. Орловского было впоследствии подтверждено археологическими исследованиями А. Н. Лявданского и В. В. Седова, выявившими здесь городище, которое представляло собой остатки поселения городского типа[3]. Отметим также, что в переписных книгах Данила Чернцова 176 (1667/1668) г. озеро, близ которого расположена д. Городище, названо «Вержавец»[4]. В целом, если местоположение Вержавска можно считать установленным, то гораздо сложнее обстоит дело с определением территории податной единицы (волости) Вержавляне

Великие и ее погостов. Л. В. Алексеев попытался определить границы территории Вержавлян, понимаемых им как одно из «малых племен» кривичей, по естественным рубежам следующим образом: северная граница с торопецкими землями — в районе р. Межа, юго-западная — в правобережье среднего течения р. Каспли, юго-восточная — по р. Жереспея в ее верхнем течении, восточная — правый берег р. Вотрь (Вотря) — леса «Бельской Сибири». Внутри этих границ автор, основываясь на топографии древнерусских курганных групп, выделяет восемь скоплений поселений, связываемых им с упомянутыми в Уставной грамоте погостами. Наиболее крупное скопление, локализуемое у левого берега Западной Двины и ее притока р. Сертенки, интерпретировалось им как два погоста. По-видимому, исследователь имел в виду р. Сертейку, левый приток Западной Двины, протекающую (за исключением небольшого участка) на территории современного Велижского района Смоленской области. Отметим, что данная территория исторически принадлежала к Велижской волости, принадлежность которой в XVI в. оспаривалась между выделившейся из Смоленского княжества Торопецкой землей и выделившейся из Полоцкого княжества Витебской[5]. Крайний северо-восточный погост Вержавлян отождествлялся автором с городищем и курганами у д. Девятой[6] в бассейне верхнего течения р. Вопь. Основываясь на анализе текста Уставной грамоты, автор также приходит к выводу о сравнительно позднем обретении Вержавском статуса города[7]. Несколько иначе рассматривает историю и историческую географию Вержавлян В. С. Нефедов. В противоположность Л. В. Алексееву, исследователь рассматривает Вержавск как один из важнейших протогородских центров Смоленской земли, существовавший в таковом виде уже в X в. Саму волость Вержавляне Великие автор считает одной из древнейших государственных структур в регионе, основу которой в первоначальный период составляла система из трех крепостей (городища Баталово, Городище (Вержавск) и Николо-Берновичи), расположенных в ранее малозаселенной местности и позволявших контролировать волоковой путь, соединяющий реки бассейна Днепра и Западной Двины. Формирование данной структуры связывается В. С. Нефедовым с населением, которое оставило могильники с сопковидными курганами, и, предположительно, происходило из более северных (Новгородская земля) территорий[8].

Целью настоящей статьи является попытка определить границы области Вержавляне Великие и расположение ее погостов на основе комплексного анализа ретроспективных данных письменных источников, а также данных археологии.

Наиболее позднее упоминание города Вержавска (в форме Ржавеск) встречено в списке «русских городов дальних и ближних», датируемом большинством исследователей в пределах 1375–1406 гг.[9] В документах Литовской Метрики XV — начала XVI вв. Вержавск упоминается среди смоленских волостей[10]. Уже с XV в. фиксируется принадлежность волости (или ее части) смоленскому Троицкому монастырю. Так, королем и великим князем Казимиром жаловалось «*Мунчисе Леменевичу Ржавеск у Смоленску, одна шесть чоловеков, [а]но дань дають к светой Тройци; у тую дань Мунчи не уступатися, недей идеть и к церкви по давному*»[11]. В списке смоленских князей, бояр и слуг конца XV в. имеются заголовки: «*за Днепром бояр у Вержанском пути*»; «*слуги доспешные у Вержавском пути за Днепром*» и «*слуги щитные у Вержавском пути*»[12]. В 1507 г. князь Василий Уварович бил челом королю и великому князю Сигизмунду о даче ему «*...дву селец з людми у Смоленском повете у Буигородскои волости, Воротишина а Дементеева, а селища пустого Хотынич, а у Вержавском повете другого селища пустого ж Коровчина*»[13]. В 1509 г. тот же князь Василий Уварович Ощитовский просил подтверждения прежнего пожалования короля и великого князя Александра, давшего ему взамен его прежней вотчины «*...в Смоленском повете Вержавского путя десять служоб путных и погородских, и тяглых, на имя Усовых, а Судниковы, Колентеевых а Смогиревы, а Полуевы, а Ишелаевы, а Ихлебаловы, а Шышкины, а Островкины, а Харкины, а Благушыны, а селцо там жо Вержавского путя на имя Веино, службу одну, Саву з братьею Бекаревых, а в другом месте в Смоленском же повете в Буигородской волости (...) селищо пустое на имя Сопрычинское и землицу бортную (...) в Смоленском жо повете в Буигородской волости на имя Дементеевцов а Воротишыно*»[14].

В 1503 г. смоленские волости Вержавск и Буйгородок переходят к Московскому государству, однако вновь возвращаются Литве в 1508 г. В перемирной грамоте короля и великого князя Александра с великим князем Иваном III 1503 г. среди волостей московской стороны упомянуты «*Вержава*» и «*Буй город*» «*и с тыми деревнями,*

которыи были за служалыми людми, и за Печеръским манастыром, и за Духовъским, и за Троецким, и что были деревни тое ж волости за Борысом за окольничым»[15]. В грамоте же 1508 г. московская сторона обязывалась не вступаться «*...в город Смоленеск и в волости, в Рословль, в Ыванково, в Пруды, в Белик, в Елну, в Ратшино, в Новоселе, в Свадито, в Жерешпер, в Порече, в Нежоду, в Вержавско, в Руду, в Мушковичи, в Ветлицы, в Щучъю, в Буигородок, и с тыми деревнями, што в тои же волости за служилыми людми и за Печерским манастыром, и за Духовским, и за Троецким, и што тое ж волости деревни были за Борисом за околничим*»[16]. В материалах московско-литовских дипломатических сношений 30-х — 50-х гг. XVI в. волость Вержавск не фигурирует[17].

Наиболее поздние и, пожалуй, самые информативные упоминания как городища Вержавска, так и Вержавской волости относятся к началу XVII в. Так, в отрывке судного дела о похищении денег из казны смоленского Троицкого монастыря от 29 декабря 1609 г., опубликованном Ю. В. Готье, упоминаются хранившиеся в монастырской казне хлебные запасы, взятые с 30 вытей Вержавской волости[18]. Городище Вержавска с церковью Ильи Пророка в вотчине Троицкого монастыря (оно же «*Троецкое Ржавское городище*»), как уже отмечалось, фигурирует в ряде донесений о состоянии дел на смоленско-велижской границе, датированных апрелем 1609 г.[19] В документах упоминаются также отдельные селения, принадлежавшие к вотчине Троицкого монастыря, и очевидно, входившие в Вержавскую волость: деревня Залинево[20] и село Тяполово[21]. В Вержавской волости имелись и поместные земли. Так, жалованной грамотой польского короля Сигизмунда III от 24 июля 1610 г. смолянину Ивану Назарьеву сыну Фефилову было подтверждено владение поместьем, которое, по его словам, «*...отец его, брат старший и он сам держали, в Смоленском уезде, в Вержавской волости деревню Бобыли, деревню Головицу, пустошь Половью, починок Снорки и деревню Харино*»[22].

Самые ранние сохранившиеся кадастровые описания местности относятся к середине XVII в. В польском инвентаре Смоленского замка 1654 г. содержится описание принадлежавшей королю Тяполовской волости, в состав которой на тот момент входила д. Городище. В составе волости выделялось пять структурных единиц: Тяполовское

войтовство и четыре лавничества: Пастриховское, Заостровское, Микольское и Городенское[23].

В позднейших русских переписных книгах 1665, 1668 и 1678 г. Тяполовской волости 1654 г. соответствует Руцкая волость. Волость Руда известна в актах Литовской Метрики с XV в., и в московско-литовских докончаниях упоминается наряду с Вержавском. При сопоставлении данных начала документов XVII в. с инвентарем 1654 г. деревни Городище, Залинево (Зальнево), Снорки, Бобыли, Головицы и Харино оказываются в Заостровском лавничестве, Тяполово — центром Тяполовского войтовства и всей волости. Из этих границ, возможно, выбивается пустошь Половья, название которой созвучно с названием р. Половья, правым притоком р. Каспли, протекающей западнее, в пределах Щуцкой и Порецкой волостей. При этом в реестре челобитных русских служилых людей Сигизмунду III деревни Мыс, Ильина и Хващово (Фащево), расположенные в будущем Пастриховским лавничестве, между Заостровским лавничеством на западе и Тяполовским войтовством на востоке, отнесены к Рудской волости[24]. Однако Пастриховское лавничество не имело границ с остальной частью Рудской волости (будущие Микольское и Городенское лавничества), расположенной к северу от Тяполовского войтовства. Этот факт, равно как и отсутствие упоминаний Вержавска среди смоленских волостей в материалах посольских сношений середины XVI в., может свидетельствовать о том, что к началу XVII в. Вержавская волость являлась частью Рудской волости. Объединение волостей Вержавск и Руда, по-видимому, произошло после присоединения к Москве в 1514 г. Территория волости Вержавск XV — начала XVI вв., очевидно, представляла собой единый массив и включала в себя юго-западную часть Рудской волости — будущие Заостровское и Пастриховское лавничества и Тяполовское войтовство, гранича на юго-востоке с волостью Буйгородок, также присоединенной к Московскому государству в 1503–1508 гг.

Отдельный вопрос составляет соотношение между собой Вержавской волости и Вержавского пути, фигурирующего в документах Литовской Метрики конца XV- начала XVI вв. Исследователи неоднократно отмечали, что названные в документах «*службы*» Вержавского пути локализуются в бассейне р. Хмость в пределах позднейшего Бережнянского стана Смоленского уезда. Е. И. Кашпровский

включал Вержавскую волость в состав позднейшего Бережнянского стана[25]. Н. Б. Шеламанова полагала, что при присоединении к Москве южная часть Вержавской волости могла войти в Бережнянский стан, а северная — в Рудскую волость[26]. Отметим, что в списке смоленских князей, бояр и слуг среди бояр «*Вержанского пути*» фигурировал «*Близнаков Василий*»[27], вотчинное владение которого может быть локализовано по деревне Близнаки, расположенной на расстоянии около 10 км к северу от г. Смоленска. Таким образом, если Вержавский путь в 1503 г. был отторгнут от ВКЛ к Московскому великому княжеству, государственная граница должна была бы подходить фактически вплотную к Смоленску, что едва ли могло иметь место. Поэтому более вероятно, что Вержавский путь в XV-начале XVI вв. представлял собой отдельную административно-территориальную единицу Смоленского повета, расположенную по дороге из Смоленска в Вержавскую волость. Различие между путями и волостями предполагалось также в статусе подведомственного им населения — «*служебного*» и военно-служилого в первом и лично свободных общинников во втором (в реальности, по крайней мере, в конце XV — начале XVI вв., эта система строго не соблюдалась). На юге Вержавский путь, очевидно, непосредственно подходил к заднепровскому предместью Смоленска. Северная граница определяляась южной границей собственно волости Вержавск (впоследствии Рудской волости) и проходила в районе истока р. Хмость. На западе Вержавский путь граничил с волостями Свадито (в бассейне р. Свадица и оз. Акатовского), Жерешпер (в бассейне р. Жереспея, позднее в пределах Свадицкого стана Смоленского уезда) и Переснарь (в районе оз. Пениснарь в юго-западной части позднейшего Бережнянского стана), на востоке и северо-востоке — с Буйгородком и Мушковичами. Описанная территория, как уже отмечалось выше, по более позднему административному делению входила в состав Бережнянского стана Смоленского уезда (селения Близнаки, Островкино, Веено, Смогири, Едревичи, Колентеево, Кубарово, Усово (Новоселки), Рыково), однако служба Судниковых, упомянутая в цитированном документе 1509 г., предположительно, может быть соотнесена с д. Судники, расположенной в пределах Свадицкого стана. Особо следует рассмотреть соотношение Вержавского пути с территориальной единицей Бережняны. В материалах Литовской метрики

XV — начала XVI вв. есть два ее упоминания. Первое из них — в списке пожалований короля и великого князя Казимира, первое из которых датировано 13 апреля 1470 г.: «*...Давыду, Ходычину брату, Руяниково селцо у Бережнянех а чоловека Иваника*»[28]. Второе упоминание относится к 5 августа 1510 г., когда князю Богдану Дмитриевичу Огинскому были подтверждены его прежние данины, в том числе «*в Бережнянех две службы Сущовых а Дягилевых*»[29]. Эти же две службы — «*Иван Сущов з братоничом — служба. Тарас Дягилев, брат его Иван, брат их Олешко, брат их Максим; вси чотыри в розделе; служба одна*» — фигурируют в Списке смоленских князей, бояр и слуг среди «*слуг щитных у Вержавском пути*»[30]. На карте деревни Сущово и Дягилево (последняя до настоящего времени не сохранилась, но обозначена на планах Генерального межевания и Военно-топографической карте 1863 г.) расположены на небольшом расстоянии к югу от с. Бережняны, и на планах Генерального межевания показаны в составе одной дачи с последним[31]. В материалах посольских переговоров 1530-х — 1550-х гг. волость Бережняне не упоминается. Таким образом, в XV — начале XVI вв. Бережняне, по-видимому, представляли собой небольшое территориальное объединение в границах Вержавского пути. Бережнянский стан, скорее всего, был образован в результате административного переустройства Смоленского уезда в XVI в.

Определив таким образом границы Вержавской волости XV — начала XVI вв., следует задаться вопросом о соотношении ее с Вержавлянами Великими Уставной Грамоты Ростислава Мстиславича. Определение «*великие*» и данные о том, что Вержавляне включали в себя девять погостов и давали смоленскому князю наиболее крупную дань, в 2,5 раза превышавшую дань с Торопца и в 10 раз — дань, идущую с Каспли, позволяют усомниться в совпадении границ данной территории с компактной областью в бассейне среднего течения р. Гобзы, даже с учетом ее выгодного положения на торговых путях того времени. Очевидно, Вержавляне Великие представляли собой более обширную область. Границы ее приблизительно могут быть маркированы соседними податными единицами Уставной грамоты. Таковыми могут быть названы упомянутые в документе податные единицы, наиболее территориально близкие к Вержавску. Так, на севере Вержавляне, очевидно, граничили с землями Торопца. Юго-западными соседями Вержавлян

оказываются Витрин (локализуемый в районе оз. Витрино в Руднянском районе Смоленской области, в бывшем Оршанском уезде), Жидчичи (связываемый с городищем у д. Жичицы на юго-западе Демидовского района Смоленской области) и Каспля (отождествляемая с городищем в одноименном поселке городского типа на северо-западе Смоленского района)[32]. На восток от Вержавлян находились Воторовичи, название которых связывается с р. Вотря (правый приток р. Вопь, правого притока Днепра). Центр данного объединения, по предположению В. В. Седова, может быть отождествлен с городищем у д. Городна в северо-западной части Ярцевского района Смоленской области[33]. На западе Вержавляне граничили с полоцкими землями (район Суража), а также с велижскими землями, изначальная принадлежность которых Торопцу или же полоцкому Витебску не вполне ясна. Наименее ясной остается южная граница Вержавлян, включали ли они в себя бассейн р. Жереспея и Свадица (будущий Свадицкий стан) и территорию позднейшего Вержавского пути. Предполагая изначальное разделение «*путей*» и волостей в рамках княжеского домена, последнюю территорию можно гипотетически вывести за пределы собственно Вержавлян.

Северная и западная границы Вержавлян могут быть ретроспективно проведены по границам Смоленского уезда до реформы 1775 г. с Бельским и Торопецким уездами, а также с Велижским и Сурожским поветами Речи Посполитой. Граница смоленских земель с Велижем и Сурожем в конце XVI — начале XVII вв. была предметом споров между Речью Посполитой и Московским государством. Литовская сторона настаивала на границе по линии р. Ельша — р. Сапша — оз. Сапшо — оз. Рытое — р. Половья — погост Параскевы Пятницы у впадения р. Гобзы в Касплю[34]. В таком случае, граница шла бы по сравнительно густо населенной местности, а кроме того, значительная часть Щуцкой и большая часть Порецкой волости оказались бы принадлежащими соответственно Велижу и Сурожу. Поэтому более вероятной представляется фактическая «московская» граница, проходившая по незаселенным болотистым участкам.

Предполагаемая территория Вержавлян Великих занимала, таким образом, большую часть Демидовского, северную часть Руднянского, северную и западную части Духовщинского районов Смоленской

и небольшую часть Жарковского района Тверской области, заходя, возможно, также в северо-западную часть Смоленского района. По административному делению, предшествующему губернской реформе 1775 г., это соответствовало всему Щуцкому стану, большей части Порецкой и Рудской волостей, а также, возможно, Свадицкому стану Смоленского уезда. За пределами Вержавлян оказываются южная периферия Порецкой волости (Жидчичи) и восточная часть Рудской волости (Воторовичи). Щуцкой стан (в документах начала XVII в. — Щучейская волость) и Порецкая волость Смоленского уезда до-губернского деления, очевидно, восходят к смоленским волостям Щучья и Поречье, впервые, как и волость Руда, упомянутыми в актах Литовской Метрики второй половины — конца XV в. Следует отметить, что на юге и востоке предполагаемая граница Вержавлян Великих приблизительно соответствует водоразделу рек бассейнов Днепра и Западной Двины.

Как уже отмечалось, о Вержавлянах Великих известно, что они включали в себя девять погостов. Под погостом в Древней Руси традиционно понимается сельский округ — административная единица («погост-округ») и поселение — центр такого округа («погост-место»). Первое летописное упоминание о погостах, как известно, связано с походом княгини Ольги на Новгород в 947 г.: «*...оустави по Мьсте повосты и дани, и по Лузе оброки и дани и ловища ея суть по всеи земли, знамянья и места и повосты*». Первоначальные погосты, таким образом, понимаются как остановочные пункты княжеской дружины во время сбора дани[35]. Ряд исследователей склонны относить возникновение погостов к догосударственному периоду, считая их изначальными центрами сельских общин[36]. Наиболее долго система погостов как административных округов сохранялась в Новгородской земле и на Русском Севере. В центральных областях Московской Руси XVI–XVII вв. под погостом обычно понималась отдельно стоящая церковь с кладбищем, дворами причта и несколькими бобыльскими дворами, стоящая, как правило, на государевой земле. В дальнейшем этим термином стали обозначаться также сельские кладбища. С. Б. Веселовским была сформулирована концепция об утрате погостами своей роли с развитием феодального землевладения, когда прежние функции погоста (в том числе функция центра прихода) переходили к селу[37].

Вопрос о преемственности между древними погостами — административными центрами и позднейшими погостами — церквами имеет довольно значительную историографию. Данные археологических исследований Н. А. Макарова в Белозерье свидетельствуют о тяготении здесь погостов XV–XVII вв. к центрам гнезд поселений домонгольского времени. Н. А. Макаров в значительной части случаев прослеживает расположение позднейших погостов непосредственно на территории крупных поселений XI–XIII вв., либо в непосредственной близости от них, в том числе, на участках потенциальных раннесредневековых могильников, что дает исследователю основание предполагать беспрерывное существование ряда погостов и церквей на них с домонгольского периода. В некоторых случаях, однако, существование церкви на месте более древнего поселения не позволяет говорить об их преемственности и свидетельствует, скорее, о намеренном возведении храма в староосвоенном месте, возможно в связи с некими представлениями о сакральности этих участков[38]. Следует отметить, что такая тенденция прослеживается и в других регионах, в том числе на Смоленщине, где, в частности, до настоящего времени наблюдается практика устройства кладбищ на древних городищах различных периодов.

Исследование административно-территориальной структуры Деревской пятины Новгородской земли, проведенное А. А. Фроловым, сопряженное с активным привлечением археологических данных, показало, что система погостских центров здесь складывается не ранее XIV–XV вв., традиция же организации кладбищ при церкви на погосте возникает не позднее первой половины XVI в. До того, в течение XIV–XV вв., имел место период, когда погребения совершались на сельских некрополях, территориально удаленных от погостов[39]. Исключение составляет область «*чернокунства*», где позднейшие погосты совпадают с поселениями домонгольского времени. Сохранение древних административных центров на этой территории автор объясняет ее особым статусом[40]. Археологическое исследование 85 погостов Псковской земли, предпринятое Б. Н. Харлашовым, показало, что большинство из них не содержит материалов древнее XV–XVI вв. Поселения домонгольского времени были зафиксированы лишь на месте 12 погостов, причем погосты раннего и позднего возникновения зачастую

расположены в разных топографических условиях. Возникновение новых погостов исследователь связывает с земледельческой колонизацией новых районов с менее плодородными почвами[41].

Таким образом, археологические исследования погостов-мест в различных регионах северной и северо-западной Руси (где погосты дольше всего сохранялись как административные центры) позволили выявить погосты как раннего (восходящего к домонгольскому времени, и даже к X в.), так и позднего (XV–XVI вв.) формирования. При этом специфика преемственности или ее отсутствия между поселениями, в том числе, предполагаемыми административными центрами домонгольской эпохи и погостами эпохи позднего средневековья — Нового времени во многом определяется особенностями исторического развития конкретного региона.

В центральных и западных районах Смоленщины в XIX–XX вв. погосты как разновидность сельских поселений неизвестны. Поселения с церковью называются селами. Категория «*погосты*», однако, фигурирует в Экономических примечаниях к планам дач Генерального межевания Смоленского, Духовщинского и Поречского уездов Смоленской губернии. Под погостом здесь понимается дача участка земли с церковью. При этом выделяются две своеобразных разновидности погостов. Одна из них обозначается как «погост села №_», вторая — как «погост №_», при этом близлежащее одноименное поселение, принадлежащее к соседней даче, часто называется деревней. В других случаях церковные участки в селах называются «*писцовой церковной землей*», причем критерий различия между ними остается неясным. Кроме того, в заголовках планов дач, названных в Экономических примечаниях «*погостами*», они названы «*писцовой церковной землей*».

В очерченных выше предполагаемых границах Вержавлян Великих в Экономических примечаниях названы следующие погосты. Внутри дачи дворцовой Порецкой волости находился «*погост села Понизовья*» в котором находились «*...две церкви деревянные, из оных одна ветхая; обе во имя святого Николая... на левом берегу реки Каспли и при Болшой Витепской дороге*». Соседнюю с ним дачу составляла «*...деревня Понизовья ведомства Государственной Коллегии Экономии*», лежавшая «*... при речке Сухой Поленнице, по течению ее на левой стороне, и при вышеписанной Большой Витепской дороге*»[42]. В том же Порецком уезде

отмечен «*погост села Свистович*», расположенный «*...при речке Озерешне по течению с левой стороны*» с деревянной церковью Св. Архистратига Михаила[43]. К соседней даче принадлежали «*...сельцы Свистовичи, Починок з деревней Савуниной Михайлы Порошина, Михайлы Косова, Федора и Семена Лешкевичев*». Сельцо Свистовичи лежало «*...на берегу речки Озерешни с правой стороны и по обе стороны впадающей во оную речки Харинки*»[44]. Погост Свадица с деревянной церковью Успения Богородицы лежал на левом берегу речки Свадицы, какого-либо селения при нем не имелось[45]. На озере Плаи (ныне Баклановское) находился погост Плаи, в котором находились две деревянных церкви — Николая Чудотворца и Рождества Пресвятыя Богородицы[46]. Одноименное сельцо, принадлежавшее Елизавете Огонь-Догановской, лежало на противоположном берегу озера[47]. «*Погост села Елисеевич*» с деревянной церковью Николая Чудотворца лежал «*...по обе стороны речки Хващовки*». С ним соседствовало «*...село Елисеевичи Андрея Синицкаго, Андрея Чашникова и Меланьи Людаговской*» на правом берегу безымянного ручья[48]. При устье безымянного ручья, впадающего в озеро Ельша, находился погост Ельша с деревянной церковью Спаса Преображения. «*Погост Тяполово священно- и церковнослужителей*» с деревянной церковью Параскевы Пятницы на левом берегу речки Тяполовки соседствовал с сельцом Тяполовым Василия Вепревского, Марины Черевиной, Петра, Афанасия, Степана Кобылинских, Федора Некрасова и Натальи Безобразовой, расположенным на правом берегу той же речки[49]. В Духовщинском уезде в пределах очерченной территории находились «*...погост Борнович с писцовою церковною землею священно- и церковнослужителей*» на правом берегу речки Гобзицы при Большой Порецкой дороге, с деревянной церковью Николая Чудотворца[50], с которым соседствовала «*...деревня Борновичи ведомства Коллегии Экономии*»[51], и «*...погост села Залесья с писцовою церковною землею священно- и церковнослужителей*» на речке Вешенке при Большой Великолуцкой дороге с церковью Успения Пресвятой Богородицы[52]. Оба погоста, как и деревня Борновичи, находились внутри крупной дачи дворцовой Рудской волости.

Следует отметить, что во всех случаях на погостах отсутствовали какие-либо «души». Это говорит о том, что погосты представляли собой исключительно земельные участки с церковью, кладбищем

и дворами причта. Как уже отмечалось, в других случаях аналогичный участок обозначен как «*писцовая церковная земля*». На уездных планах в атласе Смоленского наместничества 1781 г. погостами названы только Плаи и Ельша, прочие объекты, названые выше, подписаны как «села». Вопрос, является ли наименование погостом традиционным для определенных храмовых комплексов или же представляло собой вариант названия церкви с кладбищем в принципе, на материале документов Генерального межевания решен быть не может. Обращает на себя внимание наличие при погостах Понизовье и Борновичи селений, принадлежащих ведомству Коллегии Экономии и находящихся при этом внутри крупных дач дворцовых волостей (соответственно Порецкой и Рудской). К ведомству Коллегии экономии в отмеченных территориальных границах принадлежали также соседствующая с погостом и деревней деревня Распопы[53]; село Щучье (в совместном владении крестьян Государственной Коллегии Экономии и священно- и церковнослужителей)[54] в Порецком уезде, а также село Сошно и деревни Терехово и Церковище в Духовщинском уезде.

В материалах первых трех ревизий и ландратской переписи Смоленского уезда термин «*погост*» не фигурирует. Однако в сохранившихся в фонде Коллегии экономии ревизских сказках об архиерейских и монастырских крестьянах третьей ревизии в ряде сел очерченного региона имеются данные о крестьянах и бобылях, живущих на церковной земле, что типично для погостов-церквей центральных районов Русского государства. Так, в рассматриваемом районе фигурируют крестьяне «*на церковной земле церкви Николая Чудотворца*» села Бернович[55] дворцовой Руцкой волости, бобыли «*села Щучья церкви Николая Чюдотворца*»[56] и «*дворцовой Порецкой волости села Понизовья приписные церкви Николая Чюдотворца бобыли*»[57], а также «*дворцоваго села Поречья при церкви Святыя Пятницы крестьяне*»[58]. Вторая ревизия, как показывают отсылки на нее в сказках третьей ревизии, демонстрирует аналогичную картину.

В ландратской переписи Смоленского уезда 1717 г. в данном регионе содержатся данные о священнослужителях сел Заборье, Щучье и Ельша в Щуцком стане [59], сел Покрова и Залесья в дворцовой Рудской волости и сел Елисеевич, Велесто, Бернович, Тяполова и Городны в «*половине Руцкой волости*»[60]. В селах Щучье в Щуцком и Сошне

«*в Половиноруцком стану*» находились архиерейские дворы с дворовыми людьми[61]. Кроме того, упоминаются запустевшие архиерейские рыбацкие дворы «*в церковище Ровняг*» в том же Щуцком стану[62]. Бобыльские дворы на церковной земле имелись в селе Берновичах в «*половине Руцкой волости*»[63], запустевшие бобыльские дворы на церковной земле упомянуты также в селе Тяполово[64]. Упомянутое «*село Покрова*» может быть отождествлено с упомянутым здесь же селом Сошно, где, по данным Экономических примечаний, находился храм Покрова Пресвятой Богородицы[65].

В переписных книгах Смоленского уезда второй половины XVII в. погосты как разновидность поселений также не отмечены. Кроме того, в ряде случаев в описанном регионе упоминаются топонимы «*Погост*» применительно к селам. Так, по Переписной книге 186 г. (1677/1678) в Новицком лавничестве дворцовой Порецкой волости находилось «*…село Погост, а Понизовье тож*»[66] с церковью Николая Чудотворца и 15 дворами бобылей, не плативших каких-либо податей в государеву казну. В переписных книгах Данилы Чернцова 176 г. (1667/1668) в описании дворцового села Поречье упомянута «*…в том же селе Поречье слобода Устье, а в ней церковь во имя Святые Великомученицы Парасковии нарицаемые Пятницы*», в которой описаны дворы церковного причта и мещан, расположенные «*на погосте*»[67]. В Щуцком стане Смоленского уезда фигурируют «*…село Погост у озера Щучья, что было преж сего за попом Григорьем Федоровым, а ныне за преосвященным Филаретом, архиепископом смоленским и дорогобужским*» с церковью Николы Чудотворца «*что словет Чепелевской*», архиепископским двором, в котором жили «*домовые дети боярские*» и двумя бобыльскими дворами[68] и «*село Погост на озере Елышевке*» с церковью Спаса Преображения и одним бобыльским двором[69]. Кроме того, в описании дворцовой Рудской волости здесь упоминается «*село Погост*», земли которого были смежны с лесом деревень Демехи и Немощеная[70]. Само село в книге не описано, однако оно может быть отождествлено с с. Пречистым (Залесье). В переписной книге Кирилла Яковлева 173 1664/1665 г. в Новицком лавничестве Порецкой волости описано «*село Погост*» с церковью Николы Чудотворца и тремя бобыльскими дворами на церковной земле[71]. Здесь же прослежено деление Рудской волости на приходы: Тяполовский[72]; Никольский[73],

Пречистенский[74] и Городецкий[75]. При этом центры приходов в книге не описаны.

Список церквей Смоленского воеводства Речи Посполитой сохранился в подтвердительном привилее («*конфирмации*») короля Владислава IV смоленскому униатскому архиепископу от 9 декабря 1633 г. По-видимому, церкви, упомянутые в документе, продолжали существовать на момент его издания. Постройка новых некатолических храмов в Смоленском воеводстве Речи Посполитой в период 1611–1633 гг. маловероятна, поэтому есть основания считать, что все названные храмы существовали до 1611 г. В пределах предполагаемой территории Вержавлян Великих могут быть локализованы следующие храмы: Святого Духа «*на Влесте*» (предположительно, оз. Велисто) и «*в волости Щучейской*»; Рождества Пречистыя Богородицы «*на Влесте*»; Введения во Храм Пречистыя Богородицы в Щучейской волости, Успения Пречистыя Богородицы «*в Залесью*», «*церковь Положения Чесные Рызы в стане Руцком*»; св. Николая «*в Берновичах*», «*в Чепелеве*», «*на Плаях*» и «*на Поречью Понизовский*»; Св. Параскевы Пятницы «*в Тяполове*», «*в волости Щучейской*» и «*на Гобзе*»[76].

Документы Смоленской приказной избы 1607–1611 гг. содержат весьма значительный объем информации о географии и административном делении северо-западной части Смоленского уезда. Так, в донесении крестьян Щучейской (Щуцкой) волости о набеге Шимона Гонсевского 1609 г. идет речь о подвергшемся нападению погосте Николы Чудотворца на Плаях. Упоминаются «*погощане*» в лице причта и бобылей[77].В челобитной крестьян Щучейской волости смоленским воеводам об обороне 1609 г. описано деление волости на приходы: «*Никольский Плайского*», «*большой Спасский приход, что в Ельше*», «*Никольский приход Цепеловского*», «*Черепынинский приход*» и «*Рипшевский десяток*»[78]. В ответной грамоте смоленских воевод Михаила Борисовича Шеина и князя Петра Ивановича Горчакова крестьянам «*Николского приходу Плайского*» упомянуты крестьяне следующих составных частей Щучейской волости: «*Спаского приходу, что в Елше, да Николского приходу Половского, да Черепенинского, да Покровского, да Ряпнишенского десятка*»[79]. В одном из донесений о положении на границе упомянут также Ельшевский десяток[80]. Кроме того, имеются упоминания следующих десятков: Сермятского, Щучейского,

Прусоховского и Дерчянского[81]. К «*Щучью*» в одном из документов отнесен и «*Никола Берновицкий*»[82].

В Порецкой волости в письме А. Гонсевского М. Б. Шеину о рубеже между Смоленском и Велижем упомянута «*…за Касплею на погосте церковь святое Паросковгеи мученицы Христовы*»[83]. По-видимому, тот же объект назван в донесениях о положении дел на границе «*Пятницей на устье реки Гобзы*», «*Пятницей на Устье*»[84], а в листе Гонсевского Шеину от 10 июля 1609 г. — «*Пятницким погостом*»[85]. Кроме того, в Порецкой волости упоминается «*ионизовской целовалник*»[86], в ведении которого находилась Низовская половина[87] волости. Для Рудской и Вержавской волостей прямых упоминаний погостов нет. Упоминается, как уже отмечалось выше, храм Ильи Пророка на городище в Вержавске и село Тяполово в вотчине Троицкого монастыря.

О принадлежности волости Вержавск в XV — начале XVII вв. Троицкому монастырю упоминалось выше, в других районах области древних Вержавлян к концу XVI в. преобладали дворцовые земли. Так, в росписи дворцовых сел и волостей Смоленского уезда 7104 г. (1595/1596), опубликованной С. Ф. Платоновым, указаны 80 вытей с четвертью в живущем в оброчной Порецкой волости и 276 вытей в Руцкой волости[88]. Щуцкая волость в росписи не упомянута, однако, в отписке в Москву о набеге Шимона Гонсевского 1608 г. она также называется дворцовой[89]. Вместе с тем, в документе, озаглавленном Ю. В. Готье «*…лета 117 году апреля в 4 день имена Щученские волости крестьяном*» упомянуты в общей сложности 18 землевладельцев в 11 деревнях Щуцкой волости[90]. Выше упоминались землевладельцы Вержавской и Рудской волостей. Есть упоминания владельческих крестьян и в Порецкой волости[91].

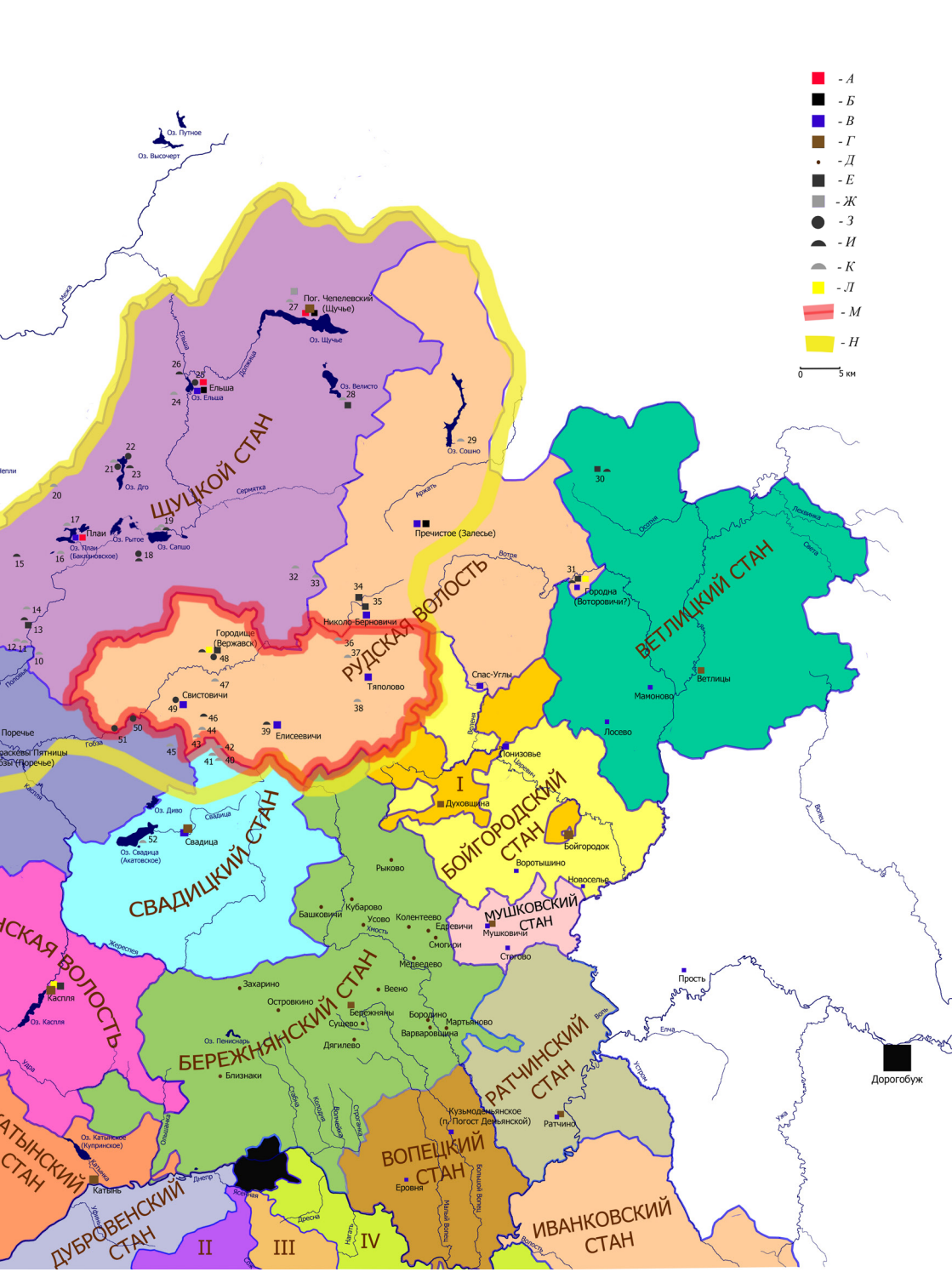
Анализируя рассмотренные выше данные источников, можно сделать вывод о том, что в регионе Вержавлян Великих, равно как, похоже, и в других местностях Смоленского уезда, к началу XVII в. существовала система приходских храмов — погостов, выполнявших в том числе функции административных центров округи. В общей сложности может быть названо и локализовано шесть погостов, названных так в источниках XVII в. Это погост Понизовье с церковью Св. Николая Чудотворца у впадения в р. Касплю ее притоков Рутавечи и Сухой Поленницы, центр Низовской половины Порецкой волости;

Предполагаемая территория местности Вержавляне Великие на карте правобережной части Смоленского уезда XVI–XVIII вв.
(показано административное деление Смоленского уезда по ситуации на 60-е — 70-е гг. XVII в.)

Литерами обозначены: **А** — погосты — центры приходов предполагаемого региона древних Вержавлян Великих, известные по данным источников начала XVII в.; **Б** — погосты — центры приходов региона Вержавлян Великих, известные по источникам второй половины XVII в.; **В** — погосты Порецкого, правобережной части Смоленского и Духовского уездов по данным материалов Генерального межевания; **Г** — центры станов и волостей XVI–XVII вв.; **Д** — предполагаемые селения Вержавского пути XV — начала XVI вв.; **Е** — городища древнерусского времени XI–XIII вв.; **Ж** — городища неизвестного периода, предположительно могущие относиться к древнерусскому времени; **З** — селища XI–XIII вв.; **И** — курганные могильники XI–XIII вв.; **К** — курганные могильники, содержащие округлые насыпи, предположительно могущие относится к XI–XIII вв.; **Л** — локализация центров податных объектов Уставной Грамоты Ростислава Мстиславича; **М** — предполагаемая граница волости Вержавск в начале XVI в.; **Н** — предполагаемая граница местности Вержавляне Великие в XII в.

Римскими цифрами обозначены: I — Духовская волость Бойгородского стана; II — Максимовский стан; III — Ивановский стан, IV — Долгомостский стан.

Арабскими цифрами обозначены археологические памятники: 1 — Клименки; 2 — Верхние Кошевичи; 3 — Нов. Мышково; 4 — Понизовье; 5 — Борода, селище 1; 6 — Борода, селище 2; 7 — Борода, селище 3; 8 — Минаки; 9 — Лобаново; 10 — Хомяки; 11 — Никасицы; 12 — Великая; 13 — Заборье; 14 — Баталово; 15 — Саки; 16 — Побоище; 17 — Бакланово; 18 — Лужок; 19 — Пржевальское; 20 — Черная Грязь; 21 — Заозерье; 22 — Ерилово, селище; 23 — Ерилово, курганный могильник; 24 — Горки; 25 — Ельша; 26 — Подосинки; 27 — Горы; 28 — Велисто; 29 — Добрино; 30 — Девятое; 31 — Городна; 32 — Рибшево, курганный могильник 3; 33 — Тарасово; 34 — Загоскино (Городище); 35 — Николо-Берновичи; 36 — Буризи; 37 — Малое Старыгино; 38 — Колошино; 39 — Елисеевичи; 40 — Преображенск, курганный могильник 2; 41 — Преображенск, курганный могильник 1; 42 — Нескучное; 43 — Городная, курган; 44 — Городная, курганный могильник; 45 — Котовщина (Тарасово); 46 — Варнавино; 47 — Брод; 48 — Городище (Вержавск); 49 — Свистовичи; 50 — Няньковичи, селище 2; 51 — Няньковичи, селище 1; 52 — Акатово, курганный могильник 1.


- А
- Б
- В
- Г
- Д
- Е
- Ж
- З
- И
- К
- Л
- М
- Н
0
5 км
Оз. Путное
Оз. Высочерт
Пог. Чепелевский (Щучье)
Оз. Щучье
Ельша
Оз. Ельша
Оз. Велисто
Оз. Сошно
ШУЦКОЙ СТАН
Оз. Дго
Плаи
Оз. Плаи (Бакиловское)
Оз. Рытое
Оз. Сапшо
Пречистое (Залесье)
РУДСКАЯ ВОЛОСТЬ
Городище (Вержавск)
Николо-Берновичи
Тяполово
Свистовичи
Елисеевичи
Поречье
Городна (Вотоворичи?)
ВЕТЛИЦКИЙ СТАН
Ветлицы
Мамоново
Лосево
Спас-Углы
Понизовье
Духовщина
БОЙГОРОДСКИЙ СТАН
Бойгородок
Воротышино
Новосельe
Оз. Диво
Свадица
Оз. Свадица (Акатовское)
СВАДИЦКИЙ СТАН
Рыково
Кубарово
Башковичи
Усово
Колентеево
Едиевичи
Смогири
МУШКОВСКИЙ СТАН
Мушковичи
Строгово
Медведево
Захарино
Веено
Островкино
Бережняны
Бородино
Мартьяново
Варваровщина
Сущево
Дягилево
Оз. Пенисчарь
БЕРЕЖНЯНСКИЙ СТАН
Близнаки
РАТЧИНСКИЙ СТАН
Ратчино
Кузьмодемьянское (п. Погост Демьянской)
Прость
Дорогобуж
Оз. Каспля
Каспля
Оз. Катынское (Купринское)
Катынь
ВОПЕЦКИЙ СТАН
Еровня
ДУБРОВЕНСКИЙ СТАН
ИВАНКОВСКИЙ СТАН
II
III
IV
I

погост с церковью Параскевы Пятницы на устье р. Гобзы у с. Поречья; погост св. Николая Чудотворца на озере Плаи в бассейне р. Половьи, погост с церковью Спаса Преображения на оз. Ельша, погост Св. Николая Чепелевский (Цепеловский) на оз. Щучье и погост с ц. Успения Пречистой Богоматери Залесье (Пречистое) в верховьях р. Аржати. Последний упоминается как погост лишь во второй половине XVII в., однако упоминание храма в Залесье в привилее 1633 г. позволяет предполагать существование погоста до 1611 г. Центром прихода, и, очевидно, погостом являлся также храм Св. Николая в Берновичах (Николо-Берновичи) в верховьях р. Гобзы. Не вполне понятен центр Черепынинского прихода Щуцкой волости. Деревня Черепынино (Черепинино) в Щуцком стане Смоленского уезда прослеживается вплоть до третьей ревизии 1760-х гг., однако в материалах Генерального межевания она не показана и, по-видимому, прекратила свое существование. В переписной книге 186 г. (1677/1678) она описана между д. Польцово (Пальцево) и Будовица. Сельцо Будовица, по данным материалов Генерального Межевания, находилась на правом берегу р. Сермятки, деревня Пальцево к северу от озера Пальцевского существует и в настоящее время. По-видимому, центр прихода следует локализовать где-то в этом районе. Очевидно, погостом — центром прихода являлась также храм Ильи Пророка «*в Вержавске на городище*», вероятно, прекративший свое существование в ходе событий 1609–1611 гг. Центром прихода, по данным переписной книги 1664/1665 гг., являлся также храм Св. Параскевы Пятницы в Тяполове, которое, однако, в начале XVII в. являлось не погостом, а селом. Нельзя, однако, исключать и того, что Тяполовский приход, включивший в свой состав деревню Городище и ее окрестности, мог возникнуть или быть существенно расширен после исчезновения храма Ильи Пророка. Покровский приход Щуцкой волости упомянут только в одном источнике — грамоте смоленских воевод крестьянам Щуцкой волости, который в целом характеризуется заметным искажением географических названий — так Рибшевский (Репшевский) десяток здесь назван Ряпнишенским, а Никольский приход Цепеловского (Чепелевского) — Половским. Однако в челобитной крестьян, ответом на которую послужила данная грамота, не упомянут какой-либо объект, который мог быть ассоциирован с Покровским приходом. Возможно, центром данного прихода

являлась церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Сошно (в ландратской переписи оно названо «*селом Покрова*»), во второй половине XVII — XVIII вв. принадлежавшем, однако, к Руцкой волости. Границы волостей, как показывает ситуация с церковью Николы Берновицкого, с начала XVII в. могла измениться. Очень мало данных о храмах в районе оз. Велисто. В привилее 1633 г. упомянуты два храма «*на Влесте*»: Рождества Богородицы и Св. Духа. Следующее упоминание «*села Велеста*» встречено лишь в ландратской переписи. Село отнесено к «*половине Руцкой волости*», будучи окружено с севера юга и запада землями Щуцкого стана. В переписных книгах второй половины XVII в. и ревизских сказках первых трех ревизий как в Руцкой волости, так и в Щуцком стане село не упоминается, что говорит в пользу того, что оно представляло собой погост без крестьянских дворов. В ландратской переписи в селе фигурирует лишь один поп[92]. Экономические примечания также показывают в с. Велесто лишь один храм Рождества Богородицы[93]. Следует также обратить внимание на относительную близость с. Велисто к предполагаемому местоположению Черепынинского прихода.

Кроме того, в рассматриваемом регионе как до 1611 г. (как показывают данные привилея 1633 г.), так и позднее, похоже, существовал ряд храмов, не являвшихся центрами приходов. К таковым, в частности, можно отнести храм Введения Пресвятой Богородицы[94], давший название селу Введенье на р. Боровой в Пастриховском лавничестве Тяполовской волости, упоминаемому в инвентаре 1654 г.[95]

Заслуживает внимания также прослеженное по источникам начала XVII в. деление Щуцкой волости на десятки. Последние, очевидно, представляли собой более мелкие административные единицы, чем приходы, однако, нельзя однозначно утверждать, делились ли приходы на десятки, представляли ли они отдельные единицы наравне с приходами, или же деление волости на приходы и десятки существовало параллельно. Из упоминания Рибшевского десятка наряду с приходами в челобитной крестьян Щуцкой волости позволяет говорить в пользу существования десятков как самостоятельных единиц наряду с приходами. В то же время Щучейский десяток, очевидно, соответствует территории прихода Св. Николая Чепелевского. Десятки как административные единицы существовали также в соседнем Торопце

и южных районах Новгородской земли, по предположению В. Л. Янина, ранее принадлежавших к Смоленскому княжеству. Подобную «децимарную» административную систему В. Л. Янин считает предшествующей зафиксированной здесь писцовыми книгами конца XV в. системе погостов и связывает ее с княжеским управлением данных территорий[96]. А. А. Фролов связывает распространение «децимарной» системы деления в областях новгородского «чернокунства» с системой взимания доходов, при которой сбор взымался лишь с некоторой части населения.

Более ранний период истории Вержавлян Великих может быть прослежен по данным археологии. Информация об археологических памятниках региона приводится по данным «Археологической карты России» по Смоленской и Тверской областям. В очерченных выше границах расположен ряд городищ, селищ и курганных могильников древнерусского времени XI–XIII вв. С некоторой долей допущения здесь учтены также курганные могильники, включающие в себя округлые насыпи, могущие принадлежать к древнерусскому периоду, курганные могильники, датировка и внешний вид насыпей которых неизвестны, а также одиночные насыпи, по предположению составителей АКР, являющиеся остатками уничтоженных могильников. Безусловно, степень исследованности отдельных участков рассматриваемого региона различна, и в ряде случаев отсутствие выявленных памятников в том или ином микрорегионе может объясняться его слабой изученностью.

Территориальное размещение археологических памятников древнерусского времени в рамках региона Вержавлян Великих демонстрирует наличие нескольких районов их концентрации. Первый из них занимает крайнее юго-западное положение и охватывает течение р. Каспли ниже устья ее притока Рутавечи. Здесь расположены городище и селище у д. Верхние Кошевичи, городище в пос. Понизовье, курган (остатки могильника) у д. Клименки, селища у д. Новое Мышково и Селечки[97].

Второй участок включает в себя бассейн р. Борожанки и участок течения Каспли ниже устья р. Половья. Здесь находятся три селища у д. Борода, поселение у д. Лобаново, селище у д. Минаки[98]. Третий участок — бассейн среднего и верхнего течениея р. Половья и территория Смоленского Поозерья (оз. Баклановское, Рытое, Сапшо и Дго). Этот участок наиболее насыщен археологическими памятниками и включает

в себя городище и курганный могильник 1 у с. Заборье, селища и курганные могильники у д. Ерилово, Заозерье, Лужок, курганные могильники Аносинки, Баталово, Великая, Саки, Хомяки, Черная Грязь, курганные могильники 1–3 у пос. Пржевальское, одиночные курганы (предположительно, остатки могильников) у д. Бакланово, Никасицы и Побоище. Четвертый участок — бассейн оз. Ельша (селище Ельша, курганные могильники Горки, Подосинки)[99]. Пятый — среднее течение р. Гобзы. На этом участке расположены городище и селище у д. Городище, связываемые с городом Вержавском, его некрополь — курганный могильник Корево; курганные могильники Брод, Варнавино, Городная (курганный могильник и одиночный курган, возможно, являющийся остатками могильника), Елисеевичи, Котовщина (Тарасово), два селища у д. Няньковичи, селище Свистуново (Свистовичи?)[100]. Шестой район — верховье р. Гобзы (городища Загоскино и Николо-Берновичи[101], курганные могильники Буризи, Колошино, Рибшево 3, Тарасово), курган (возможно, остатки могильника) у д. Малое Старыгино)[102].

Описанные участки располагаются в основном вдоль южной и западной границ очерченной территории. Менее определенна ситуация в северной и северо-восточной частях региона, где средневековые археологические памятники немногочисленны. К северо-востоку от с. Щучье, близ д. Горы (ныне Жарковский район Тверской обл.) известно городище и курганный могильник, культурная принадлежность которых не ясна. Современные исследователи, исходя из внешнего вида городища, склонны относить его к раннему железному веку, однако А. Н. Лявданский предполагал на нем наличие древнерусских материалов[103]. На городище был найден железный наконечник копья, хранившийся в довоенном собрании Смоленского музея[104]. Городище древнерусского времени, а также курганный могильник с округлыми насыпями имеется у с. Велисто[105]. Крайним северо-восточным объектом оказывается курганный могильник у д. Добрино на восточном берегу оз. Сошно[106]. Восточная граница распространения выявленных археологических памятников может быть приблизительно проведена по водоразделу бассейнов Западной Двины и Днепра. Далее на восток следует довольно обширное пространство, на котором археологические памятники не выявлены, причем отсутствие археологических памятников в верхнем течении р. Вотри было выявлено в результате

проводившихся разведок[107]. Ближайшим древнерусским памятником к востоку от верховьев р. Гобзы оказывается городище у д. Городна, связываемое с податным пунктом Воторовичи.

При сопоставлении карты древнерусских археологических памятников с данными о топографии погостов XVII в. можно отметить определенные совпадения и возможную преемственность на уровне погостов-округов в западной и южной частях предполагаемого региона Вержавлян. Так, первый описанный выше участок концентрации памятников приблизительно совпадает с окрестностями погоста Понизовье, второй участок — с окрестностями Пятницкого погоста в Поречье, однако несколько смещен вниз по течению Каспли, и в районе самого Поречья (г. Демидов) древнерусские памятники неизвестны. Третий, наиболее крупный, район концентрации памятников в бассейне р. Половьи, приблизительно соответствует приходу Св. Николая на Плаях, а небольшое скопление памятников в окрестностях оз. Ельша — приходу Спаса на Ельше. Скопление памятников в бассейне средней Гобзы знаменует округу самого Вержавска, а памятники верховьев реки территориально совпадают с окрестностями погоста Св. Николая в Берновичах.

На уровне погостов-мест можно отметить три случая, когда на месте позднейшего погоста — центра прихода или в его ближайших окрестностях расположен археологический памятник с древнерусским материалом. Это городища у пос. Понизовье и д. Николо-Берновичи, а также селище у д. Ельша. Городища Понизовье и Николо-Берновичи предположительно интерпретируются исследователями как феодальные усадьбы[108]. Однако, с учетом совокупности данных письменных источников, говорящих о том, что частное землевладение в этом регионе не получило широкого развития, более обоснованной представляется трактовка их как опорных пунктов княжеской власти — собственно погостов Вержавлян Великих. На обоих памятниках имеется также позднесредневековый материал, что говорит в пользу преемственности в их существовании. Еще один археологический объект, территориально связанный с позднейшим храмом и, возможно, погостом — городище X–XIII вв. у д. Велисто. В относительной близости от с. Щучье (погост Св. Николая Чепелевского) расположены городище и курганный могильник Горы, древнерусская принадлежность

которых, как уже отмечалось выше, вызывает определенные сомнения. На месте погоста Плаи и в его ближайшем окружении древнерусские археологические памятники неизвестны, хотя в целом этот район изобилует древнерусскими памятниками.

Городище у с. Заборье в бассейне среднего течения р. Половьи гипотетически может рассматриваться как остатки еще одного, исчезнувшего в позднейшее время, погоста. Таким образом, крупное скопление памятников в бассейне р. Половьи и смоленском Поозерье может рассматриваться как два погоста. Бассейн среднего течения Гобзы (на участке, примерно соответствующем волости Вержавск XV — начала XVI вв.) также, вероятно, может предполагать наличие двух погостов, к которым тяготела сельская округа Вержавска. Наличие некого погоста-места можно предполагать и для второго выявленного скопления памятников в бассейне Каспли и Борожанки. Неопределенной остается ситуация с северо-восточной частью области, где в позднейшее время находился Пречистенский погост в Залесье. Здесь не выявлено археологических памятников как древнерусского времени, так и более ранних периодов. Возможно, также как район верхнего течения р. Вотри, эта территории была впервые заселена не ранее XIV–XV вв., но нельзя исключать и того, что дело здесь в недостаточной археологической изученности. На локализацию центров погостов может указывать также местонахождение наиболее крупных курганных могильников, насчитывающих более 30 насыпей. Таковыми являются могильники у пос. Пржевальское (б.с. Слобода) и д. Лужок на оз. Сапшо, д. Котовщина (у б.д. Тарасово) и с. Елисеевичи в бассейне средней Гобзы соответственно западнее и восточнее Вержавска. Аналогичный курганный могильник (Корево) имеется в непосредственной близости от самого города и интерпретируется как городское кладбище. Однако в районе городищ Понизовье и Николо-Берновичи крупных могильников не зафиксировано. Возможно, решающее значение здесь обретает фактор сохранности. Безусловно, более обстоятельное исследование вопроса требует анализа археологических коллекций и натурных археологических исследований.

Таким образом, сопоставление ретроспективных данных письменных источников с данными археологии позволило более точно определить границы местности Вержавляне Великие, выявить существование

в Смоленской земле системы «поздних» погостов, сохранявших как минимум до начала XVII в., а местами и до 1660-х гг. функции приходских и административных центров, а также проследить наличие определенной преемственности между «поздними» погостами и административными центрами древнерусского периода, которая, также как и на русском Севере и в области новгородского «чернокунства», очевидно, была обусловлена принадлежностью данной территории к древнему княжескому домену и относительно слабым развитием в этом регионе Смоленщины частного землевладения.

ССЫЛКИ

[1] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. — М., 1976. — С. 141.

[2] Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. — Смоленск, 1961. — Вып. IV. — С. 318–323. Археологическая карта России (далее — АКР): Смоленская область. — М., 1997. — Ч.1. — С. 174–176.

[3] Там же. — С. 321–325.

[4] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Е.х. 15154. Л. 752 об.

[5] Бассалыго Л. А., Янин В. Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. — М., 1998. С. 185–190.

[6] Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. — М., 1980. — С. 38–40; — С.56–57.

[7] Там же. — С. 44.

[8] Нефедов В. С. Городища X века и начало «окняжения» Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Новгород, 1998. — Вып. 12. — С. 252–257.

[9] Подробнее о существующих датировках «Списка» см.: Дедук А. В. «Список русских городов дальних и ближних»: история изучения // Русский книжник. — М., 2015. — С. 129–141.

[10] Литовская Метрика. Отдел первый. Книги записей. Т. 1. // РИБ. — СПб., 1910. — Т. 27. Стб. 42, 47. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8. — Vilnius, 1995. — P. 126.

[11] Литовская Метрика… Стб. 47.

[12] Там же. Стб. 485–486, 489–490.

[13] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8. — Vilnius, 1995. — P. 226.

[14] Ibid. — P. 321.

[15] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5. — Vilnius, 1993. — P. 210.

[16] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8. — Vilnius, 1995. — P. 125–126.

[17] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II // Сборник РИО. — СПб., 1887. — Т. 59.

[18] Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. Под ред. Ю. В. Готье. — СПб., 1912. — С. 52–53.

[19] Там же. С. 13. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). — СПб., 1841. — Т. 2. — С. 218, 230.

[20] Памятники обороны… — С. 13.

[21] АИ, — Т. 2. — С. 218.

[22] Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб., 1851. — Т. 4. — С. 337.

[23] Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений, изданное Виленскою археографическою комиссиею. — Вильно, 1858. — Ч. I. — С. 65–78.

[24] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610–1611 гг. Под ред. и с пред. Л. М. Сухотина. — М., 1911. — С. 122.

[25] Кашпровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. — Нежин, 1899. — Т. 2. — С. 283–284; карта.

[26] Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. — М., 1970. — С. 387–388.

[27] Литовская Метрика… Стб. 485.

[28] Литовская Метрика… Стб. 68–69.

[29] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8. — P. 369.

[30] Литовская Метрика… Стб. 490.

[31] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Е.х. 5458. Л. 11.

[32] Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. — Смоленск, 1961. — Вып. IV. — С. 330–332.

[33] Там же. — С. 326–328.

[34] Памятники обороны… — С. 16–17. Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. … — С. 346–352.

[35] Мельникова Е. А. Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986, — № 5. — С. 69–71.; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси. — М. — Смоленск, 1995. — С. 156–160.

[36] Об историографии проблемы см. напр.: Жих М. И. «Реформа» княгини Ольги как попытка централизации Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17–18 ноября 2011 г. — Великий Новгород, 2013. — С. 38–42.

[37] Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. — М. — Л., 1936. — С. 19–20.

[38] Макаров Н. А. Сельские приходы XV–XVII вв. и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности // Кириллов. Краеведческий альманах. — Вологда, 1998. — Вып. 3. — С. 17–35

[39] Фролов А. А. Территориально-административная система XIV–XV вв. в землях Деревской пятины Новгородской земли. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. — М., 2001. — С. 11–15.

[40] Там же. С. 12. Его же. Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII вв. в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. — М., 2012. — Т. 1. — С. 143–144.

[41] Харлашов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI вв. Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. — М., 1995. — С. 6–12.

[42] РГАДА. Ф. 1355. Экономические примечания к материалам Генерального межевания. Оп. 1. Е.х. 1508. Л. 55 об.

[43] Там же. Л. 61.

[44] Там же. Л. 56 об.

[45] Там же. Л. 65.

[46] Там же. Л. 66.

[47] Там же. Л. 70.

[48] Там же. Л. 69 об.

[49] Там же. Л. 81 об.

[50] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Е.х. 1487. Л. 7.

[51] Там же. Л. 7об.

[52] Там же.

[53] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Е.х. 1508. Л. 55 об.

[54] Там же. Л. 79 об.

[55] РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 4. Е.х. 2929. Д. 29.

[56] Там же. Д. 30.

[57] Там же. Д. 31.

[58] Там же. Д. 32.

[59] РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 1. Е.х. 373. Лл. 28–29.

[60] Там же. Лл. 33–40.

[61] Там же. Лл. 287–288, .

[62] Там же. Л. 294.

[63] Там же. Л. 330–331.

[64] Там же. Л. 335.

[65] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Е.х. 1487. Л. 7 об.

[66] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Е.х. 15167а. Лл. 566 об. —569.

[67] Там же. Л. 495.

[68] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Е.х. 15154. Лл. 665–665 об.

[69] Там же. Л. 666.

[70] Там же. Лл. 400 об.; 403.

[71] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед.хр. № 15152. Л. 216 об.

[72] Там же. Лл. 56, 157.

[73] Там же. Л. 59, 158 об., 177.

[74] Там же. Л. 161 об., 177.

[75] Там же. Л. 168 об.

[76] РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 108. Лл. 8–10.

[77] Памятники обороны… — С. 4.

[78] Там же. — С. 21.

[79] Там же. — С. 22.

[80] Там же. — С. 20.

[81] АИ… — Т. 2, — С. 217.

[82] Там же. — С. 247.

[83] Памятники обороны… — С. 17.

[84] Там же. — С. 17–19.

[85] АИ… — С. 290.

[86] Там же. — С. 21

[87] АИ… — С. 293.

[88] Подлинное дело о строении города Смоленска // Смоленская старина. — Смоленск, 1911. — Вып. 1. — Ч. II. — С. 26.

[89] Памятники обороны… — С. 3.

[90] Там же. — С. 10–11.

[91] Там же. — С. 15.

[92] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Е.х. 373. Л. 35 об. — 36.

[93] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Е.х. 1508. Л. 81

[94] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Е.х. 15154. Л. 681.

[95] Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений, изданное Виленскою археографическою комиссиею. — Вильно, 1858. — Ч. I. — С. 68.

[96] Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. — М., 1998. — С. 12.

[97] АКР: Смоленская область. — М., 1997. — Ч.1. — С. 228–240.

[98] Там же. — С. 173, 182–183.

[99] Там же. — С. 170–192.

[100] Там же. — С. 173–177, 182, 184, 187, 196.

[101] Некоторые исследователи считают данные об этих двух городищах описаниями одного памятника.

[102] Там же. — С. 194–200.

[103] АКР. Тверская область. — М., 2007. — Ч.2. — С. 115.

[104] Краткий каталог предметов, находящихся в Смоленском историко-археологическом музее. — Смоленск, 1903. — С. 5.

[105] АКР. Смоленская область — М., 1997. — С. 195.

[106] Там же. — С. 196.

[107] Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. — Смоленск, 1961. — Вып. IV — С. 326–328.

[108] АКР. Смоленская область — М., 1997. — Ч.1. — С. 197, 238.